

Творчество таких писателей, как Михаил Тарковский, должно быть предметом повышенного и сосредоточенного внимания «всего оставшегося» (по точной констатации Валентина Распутина) народа. Русского, естественно, народа — потаенного ныне, неосязаемого, не чувствуемого в пространстве современности.

Сам же пишу «таких как», а таких как Михаил Тарковский практически и нет сегодня. Настоящий русский писатель настоящей русской литературы в наше время явление не единичное даже, явление — исключительное.

Для русской литературы соединенность писателя с народом есть первое, главное, необходимое условие творческого осуществления. Творчество настоящего писателя — всегда откровение; всегда содержит сущный состав, необходимый к усвоению сегодня и сейчас народом, тем более «оставшимся народом». В народе вызревает понимание спасительных истин и спасительного пути, писатель это понимание концентрирует и формулирует в искусстве, народ усваивает свои же собственные наития, ставшие формулировками законов жизни в творческом художественном преосуществлении, и, если закон сформулирован верно, а определяется это только народным восприятием, народ получает возможность новых сил и новой жизни, нового пути.

Как-то примерно так сложено это в русской литературе: народ и писатель. Отсутствие в современном литературном процессе произведений, достойных первого ряда русской литературы, как раз и есть свидетельство потаенности, «оставшести» русского народа в сегодняшнем дне, его, народа, «повиновения закону судьбы», по Николаю Алексеевичу (Некрасову).

То, что сегодня есть Тарковский, это чудо и радость. Но Тарковский недоосуществлен, потому что и сам народ достаточных сил не исполнен. И тем не менее Тарковский — это часть русского народа и явление русской литературы в сегодняшнем дне. Именно поэтому надо читать и вчитываться — там, в прозе Тарковского, нечто важное для на-

рода, для жизни нашей всегда произносится, содержится.

Повесть Михаила Тарковского «Фарт» — так получилось, что посмотрел комментарии и критику на сайте «Дня литературы». Хорошо, что читают, хорошо, что спорят. Плохо, что никто не видит существа повести, даже не обозначают его. А пойми существо повести — и все дискуссии исчезнут. Нежные совершенно, лишние, можно сказать, пустые дискуссии о искусстве и намерениях автора. И начнется тогда, должен бы начаться разговор о жизни, о нашей сегодняшней жизни, как ей, жизни нашей, подниматься в составе своем до жизни русской — у Тарковского путь этот обозначен пунктиром, пусть, но — путь (!) к целостности нашей бытийной, бытовой, цивилизационной, а мы все Тарковскому пытаемся разъяснить, как он писать должен. А нам — вместе с Тарковским — думать надо, что в его повести открывается и как нам это открытие учесть в устройении русской жизни.

Поэтому и приходится писать о Тарковском, о «Фарте».

«Фарт» — рождественская повесть. Это же не так просто автор прилепил, не для красоты же. Важнейшая номинация прозы — жанр, но на нее никто и внимания не обращает. А ведь это традиция — святочного, рождественского рассказа. Вспомните знаменитое — Чехова — письмо Ваньки Жукова «На деревню дедушке»... Вот и «рождественское письмо» Тарковского до дедушки (до оставшегося народа) не доходит...

Главное в повести — это то, что представлено православие — как образ жизни. Жизни современной, жизни обычных людей. Не в ангельском чине людей, как сегодня принято писать, а людей из народа, из населения сегодняшнего. Тарковский не может пока еще взять этот масштаб: православие как образ жизни современного русского человека. И поэтому он уходит в жанр рождественской повести. Он не облегчает себе задачу, напротив, Тарковский работает на пределе возможного, но он верно и точно рассчитывает свои силы. Пока только так, пока рождественской повестью Тарковский вытянул свою тему, а мы, население, народ, — и в

этом «упрощенном» виде взять не смогли. И критика тут не помощницей стала, а помехой: в буквальном смысле отвела глаза. У всех критиков и комментаторов «Фарта» прошу прощения: за открытие истины не претендую, что вижу то и говорю (обязан — говорить), имен не называю, в критический спор не ввязываюсь, содержание повести гораздо важнее.

Итак, рождественская, святочная то есть, повесть. Выдерживает ли Тарковский жанровый канон? И да, и нет. Что такое святочный рассказ? Моими словами и смыслами — это трагическое свидетельство быта, но это трагедия, умирная во Христе, и отсюда художественное свидетельство о быте получает бытийное, эпическое звучание. Все восходящее ко Христу и разрешающееся во Христе — это эпос. Отметим раз и навсегда: когда мы говорим о Христе, мы говорим «сквозь стекла святоотеческого учения» (по Константину Леонтьеву), то есть в православной догматике.

У Тарковского все: сюжет, фабула, повествование, содержание (что там еще? — все, одним словом) — идет и завершается хорошо, это непреложное условие святочности, но в чем трагедия? Тарковский не боится (именно! — творческое мужество необходимо) поставить конфликтом сознательно совершенный героем грех. Уже один только этот факт при нормальном устройении не то чтобы русской жизни, но пусть современной жизни в пространстве — все-таки Русской Земли, — должен бы поставить труд Тарковского первым по вниманию критики всех направлений. Назовите еще хоть одно современное произведение (не лубочное) в полном формате искусства, где есть подобная проблематика?

Сознательно совершенный героем грех — как проблема произведения. Удивительный Тарковский! Он именно об этом пишет. С этого начата повесть. «Напильники» — такие ребята, что все, что угодно напилят. И герою помогают — продать непродаемую машину, но нужен малый сознательный обман. Необходимо согласие на грех. Именно свобода выбора(!) — вот где работа православной догматики. И герой свободным выбором это согласие на грех дает и грех совершает.

Выход из повести: герою «вдруг» (это и есть рождественский, святочный состав) открывается все существо его поступка, как — грех(!).

Свободно и сознательно выбранный грех, совершение греха и становится трагедией — не осознанной — через все движение повести, но — формирующий движение повести, и раз-

решающейся на выходе.

На бытовом уровне поступок героя ни трагедией, ни грехом не осознается, ну да — обман, но машину-то надо было продавать. А во Христе, в православных координатах грех — это трагедия. Трагедия — невидимая еще, а вот последствия ее трагичны уже в яви. Мы видим, что в жизни что-то идет не так, а причину не понимаем. Но причина и не нужна. Нужны исповедь (покаяние — не душевное, а в православном храме) и причастие — церковные таинства, уничтожающие грех. Мы, население современной России, этого не понимаем. Тарковский нам это показывает.

Только вот не надо здесь «воплей», про то что опять смирение, опять покаяние — «рабские»-де проявления. Отметим — русское православное смирение своею силой рассеяло трехсотлетнее иго над Русью, ибо преподобный ли Сергий Радонежский был не смирен? Смирен в высшей степени. И смиренно князя Димитрия Донского благословил на битву, и смиренно смиренного Пересвета и смиренного Ослябю послал в помощь князю. Монахов(!), которым и оружие-то в руки брать запрещено. Но и они — по смирению своему (смирение в послушании преподобному Сергию) оружие это взяли. А покаяние — нас сейчас как только ни отворачивают от этого: то одну вину вселенскую на русский народ возложат, то другую. А другая сторона, знай, вопит: покаяние — это рабство.

И Тарковский не о вселенских грехах пишет. С вселенскими грехами пусть богословы разбираются, а нас, население, народ, обычный бытовой грех губит — ежедневный, привычный, не замечаемый грех. Апокалипсис мелкого греха, есть такое понятие. Он губителен для нашей жизни. Это ведь в нас еще советским временем посажено: Бог у меня в душе, в церковь пусть те ходят, у кого грехов много, а я никого не убил, какие у меня грехи? Вот-вот не убил, а Христа каждый день распинаешь, мелкими своими грехами и грешками — это как?

«Малых» грехов не бывает — вот такой счет мы должны к себе предъявлять. Капля океана содержит все его свойства. «Малый» грех губителен во всей полноте греха. Это может самая страшная беда наша народная на сегодняшний день. Об этой беде Тарковский и пишет. Но, как и сам грех, главный смысл повести остается вне поля нашего зрения.

Образ Ежа — здесь ключевой. Что Еж? Это наше сегодняшнее население России, в потаенности которого, в глубочайшей глубине сокрыт русский народ — ни жив именно, ни мертв, а сокрыт. И Еж — собирательный образ современного на-

селения Русской Земли, во всей талантливости и гениальности русского народа — семипядийности, что ли? От семи пядей во лбу — вот-вот, во лбу, не в душе... Еж и умен сверх меры, а душа повреждена, дух не дышит. Все это его, Ежово, неприятие православной церкви — это наше, населения России, сегодняшнее неприятие православной церкви. Все аргументы Ежа против православия — это наши аргументы. Еж — это диагноз Тарковского, поставленный современному населению России.

И важно: герой Тарковского, писатель и сам Тарковский Ежа не судят, мало того, вернее — более того, более Суда, любят — Ежа и в нем население Русской Земли и народ, потаенный в населении. Любят и вину свою чувствуют перед Ежом. Это очень по-русски, по настоящему, по литературо-ру-русски...

Для лечения болезни болезнь признать надо. Диагноз поставлен. Будем признавать? И лечиться православной церковью пойдем ли? От нас зависит — свобода выбора.

Два слова о второстепенном. Об ответственности критики. Классически точно отмечал Юрий Селезнев: критик должен смотреть глазами народа. Тарковский настолько уже «отчаялся» (условный глагол), что вынужден автохарактеристику собственному творчеству давать, сам свои рассказы разбирает, разжевывает — о чем они. Беда... беда... Практически как в Слове о полку... Как там? «Редко ратая кикахуть»... и критика так же ныне — редко.

«Фарт»... Да полно, о фарте ли пишет Тарковский? Пишет он о грехе. И для тех, кто прочесть сумеет, станет заглавие не «Фарт», а — «Грех». Я уверен, что Тарковский это созвучие знал и чувствовал, не в яви, так в интуициях, поэтому так и писал, и назвал — так...

Вот русская литература — коснись смыслов, и не остановишься: дна нет. Сам «фарт» покрутить, повертеть как алмаз, любясь гранями смыслов. Здесь и Даля надо посмотреть. Фарт — не найдем, а фартину — найдем, а фартина — это кварта, и то и другое — мера; в картах еще — редкая дача...

Сам Тарковский герою своему дает возможность не повесть, а рассказ «Фарт» создать, объяснить нам смысл этого, одноименного для повести, рассказа.

«Баскаков откинулся на спинку... Прикрыл глаза, потом расхохотался. Ну как ей объяснить-то? Баскаков всегда брал быка за рога, и рассказ начинался с фразы, кратко передающей сюжет. У промысловика с позывным «Делимакан» россомаха

разорила путик с ловушками, двух попавшихся соболей съела, а остальных закопала в снег про запас. Мимо проезжали работяги из сейсморазведки. Их задачи — таскать к датчикам провода, сплетенные в «косу», наподобие девичьей. Ехали они на вездеходе, прозванном «мотолабой» — от МТЛБ (многоцелевой тягач легкий бронированный). «Косачи» решили пробежать по путику охотника и ободрать с него попавших соболей, но их опередила россомаха».

А это прямо из самого рассказа (в дополнение смыслов):

«И он после них ходил, как сапер, енные копаннины раскапывал, а потом по рации ка-а-к трекнет: «Вот до чего дожили с этой нефтью: всю жизнь россомагу падиной считал, а тут вишь — в кормилицы вырвалась!»

Как ни бейся, не сверкнет эта грань ни гражданским, ни православным содержанием... А для меня в чистом виде — сверкает Новозаветным смыслом:

От Луки, 16:

1. Сказал же и к ученикам Своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его;

2. и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять.

3. Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь;

4. знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом.

5. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему?

6. Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят.

7. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят.

8. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде.

Это одно из самых непонятных для меня мест в Новом Завете.

И у Тарковского — первый план — понятен. А вот что за первым планом стоит, думать надо...

Всем «оставшимся народом» надо думать. ■